

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ РОССИИ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (НАЧАЛО XXI В.)

О.А. Солопова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

Кратко рассматриваются системы метафорических моделей, нацеленных на моделирование будущего России, в политических дискурсах России, США и Великобритании (начало XX века). Более подробно автор анализирует общие черты и особенности метафорических моделей, единицы которых являются частотными в дискурсе трех стран.

Ключевые слова: метафора, модель, политический дискурс, будущее.

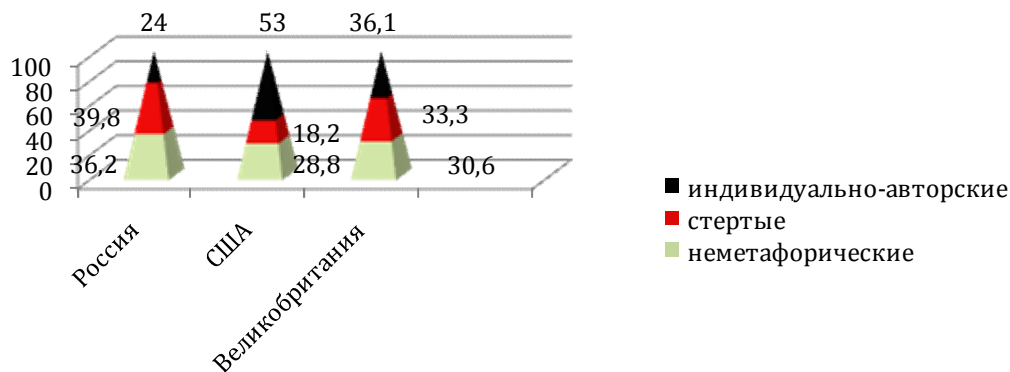
В когнитивно-дискурсивном сопоставительном исследовании моделей будущего России в диахроническом аспекте одним из параметров сопоставления являются системы метафорических моделей, функционирующих в политическом дискурсе каждой страны в определенный период времени. Модель будущего России, ее фрагменты – базовые параметры, подпараметры, явления объективной реальности – получают вербальное отображение, превращаясь в многоцветные, объемные образы, изменяющиеся во времени благодаря метафорическим моделям, в рамках которых репрезентируется будущее России.

При анализе систем метафорических моделей каждого хронологического среза в качестве параметров сопоставления выступают процентное соотношение метафорических и неметафорических контекстов, нацеленных на моделирование будущего России; количество метафорических моделей, востребованных в данном хронологическом срезе; доминантные модели, единицы, которых наиболее частотны при репрезентации будущего;

модели, функционирующие в одном/двух дискурсах и незафиксированные в других.

В политических дискурсах трех стран в лингвистическом наполнении синхронных моделей будущего современного хронологического среза метафорические контексты доминируют над неметафорическими (см. рисунок). Преобладание метафорических контекстов над неметафорическими в наполнении рассматриваемой синхронной модели свидетельствует о том, что будущее России является одной из острых, злободневных тем не только в отечественном политическом дискурсе, но и в аналитических статьях США и Великобритании.

Наиболее метафоричной является синхронная матрица, созданная на базе корпуса текстов современного американского политического дискурса: для корпуса американских текстов типичен значительный перевес образной репрезентации будущего России над неметафорическими контекстами, а также наибольший показатель индивидуально-авторских образов в сравнении с двумя другими странами. Это обусловлено, прежде всего, дискур-

Сравнительная диаграмма репрезентации образа будущего в политическом дискурсе России, США и Великобритании (начало XXI в.)

сивными факторами: геополитическим противостоянием России и США времен холодной войны, международной политической обстановкой современности, «неровными» отношениями двух стран – периодами взлетов и падений, характерными для начала 2000 гг., эскалацией напряженности во взаимоотношениях в связи с разногласиями в вопросах внешней политики.

Стоит отметить также, что для современных представлений о будущем России именно для отечественного дискурса характерен наименьший процент метафорических контекстов в целом и ярких, авторских образов в частности, что может говорить об относительном «метафорическом затишье», большей уверенности страны в собственном будущем в сравнении с США и Великобританией: «политическая стабильность находит отражение в сфере политических метафор» [2, с. 88].

В лингвистическом обеспечении синхронной модели «Будущее России», созданной на основе анализа британского политического дискурса, также, как и в американских текстах, образные контексты доминируют над неметафорическими, индивидуально-авторские, яркие метафорические словоупотребления – над стертыми. Этот факт также может быть объяснен дискурсивными факторами: статусом «особых» отношений между двумя государствами, их развитием по самостоятельной линии на военной, политической и экономическом уровне [1, с. 7], сотрудничеством США и Великобритании, основанном на тесной экономической, политической и культурной интеграции, наличием тесных культурно-исторических и этнолингвистических связей.

Следует особо подчеркнуть, что наиболее разнообразен по количеству метафорических моделей, в рамках которых репрезентируется будущее России, отечественный дискурс, в нем зафиксировано 20 сфер-источников метафорической экспансии, однако отметим, что в большей части контекстов используются стертые метафорические единицы. Численность сфер метафорического притяжения, задействованных в конструировании модели будущего, составляет 19 сфер-источников в британском дискурсе и 16 в американском дискурсе (см. таблицу), где ММ – метафорическая модель. Полужирным шрифтом обозначены пять наиболее частотных моделей, реализующихся при моделировании будущего в каждом дискурсе, римские цифры показывают их распределение по шкале частотности в дискурсе каждой страны).

Показателен факт совпадения пяти наиболее частотных метафорических моделей в политических дискурсах России и США – пути, болезни, неживой природы, монархии и животного мира.

Британские аналитики также активно используют ментальные поля пути и неживой природы, однако, специфичными для политического дискурса Великобритании являются источники сферы войны, криминала и игры.

Следует отметить, что для частотных моделей, общих для политических дискурсов трех стран – пути и неживой природы, можно обнаружить специфические отличия на уровне фрейм-слотовой структуры, прагматических смыслов, востребованных при концептуализации вероятного будущего российского государства.

Моделируя будущее России в рамках метафо-

Система метафорических моделей, зафиксированных в политических дискурсах России, США и Великобритании

№	Название метафорической модели (ММ)	% Россия	% США	% Великобритания
1	ММ пути	18,2 % I	8,2 % V	10,4 % IV
2	ММ неживой природы	11,2 % II	9,3 % IV	7,8 % V
3	Морбиальная ММ	9,8 % III	18 % I	3,8 %
4	Монархическая ММ	6,9 % IV	12,4 % III	3,7 %
5	Зооморфная ММ	6,2 % V	13,6 % II	7,1 %
6	Механистическая ММ	5,5 %	3,8 %	2,5 %
7	Милитарная ММ	5,4 %	2,9 %	16,9 % I
8	Криминальная ММ	4,2 %	3,3 %	13,4 % II
9	Метафора строительства	4,2 %	–	2,5 %
10	Фитоморфная ММ	4,1 %	0,9 %	1,4 %
11	ММ Игры	3,8 %	7,4 %	10,8 % III
12	Физиологическая ММ	3,5 %	4,8 %	2,8 %
13	Театральная ММ	3,1 %	4,4 %	6,8 %
14	Инструментальная ММ	2,9 %	1,9 %	2,5 %
15	ММ Дома	2,9 %	–	–
16	Метафора родства	2,7 %	3,6 %	1,9 %
17	Педагогическая ММ	2,6 %	2,3 %	–
18	Спортивная ММ	2 %	3,2 %	4,9 %
19	Религиозная ММ	0,5 %	–	0,8 %
20	ММ Торговли	0,3 %	–	–

ры пути, англоязычные аналитики фокусируют внимание на существующих или вероятных препятствиях, с которыми столкнется страна при достижении своих целей, тогда как в российском политическом дискурсе не исключается возможность выбора верного пути, ведущего в светлое будущее: *Closer relations with Europe are a precondition for Russia's socio economic modernization and security over the long term. However, systemic obstacles and mounting distrust within the Russian elite are likely to impede such a shift* / Harvard International Review, winter 2005 (US). *Russia, although a candidate to become Europe's leading economy judging by the growth of its PPP, is still a country that can take an unpredictable turn and is likely to never find a path to European economic leadership, regardless of its proven oil and gas reserves, strategic location or any other benefits it might have. If Russia is going to become a leading European economy by 2030, it certainly needs to fix its own economy – something this country's current leadership is unlikely to attain* / The Guardian, 18.01.2013 (GB). *Таковы ближайшие веки нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках!* / Предвыборная программа партии «Единая Россия» (2003). В процессе когнитивного построения будущей политической реальности России в англоязычных дискурсах используются ресурсы рассматриваемой понятийной сферы с негативным прагматическим потенциалом, вызывая в сознании адресата эмоциональные представления о наличии на пути развития страны множества препятствий, затрудняющих ее продвижение вперед. В отечественном дискурсе в рамках анализируемой модели активизируются положительные коннотации, что особенно характерно для программных документов политических партий: политики не теряют надежды спасти и возродить Россию, поставить ее на путь развития, прогресса, помочь стране обрести твердый путь, по которому она сможет выйти из исторического тупика.

Единицы сферы-источника «неживая природа» в англоязычных дискурсах насыщены негативным прагматическим потенциалом, причем в американских текстах особую активность проявляют метафорические единицы, обозначающие «падение», «скольжение» с возвышенности в пропасть; в российских метафорических поисковых прогнозах метафоры указанной сферы реализуют как негативные, так и позитивные смыслы: *Russia is sliding into a demographic abyss, compromising its long-term economic, health, development and security prospects, according a recent report from the National Bureau of Asian Research (NBR)* / The Washington Times, 29.11.2004 (US). *The cold wind blowing in from Moscow is especially chilly by the time it hits London. The murder of Alexander Litvinenko, with its tit-for-tat expulsions, and the closure of British Council offices in St Petersburg and Ekaterinburg, suggest the Russians are revisiting the sinister romanticism of*

the Cold War / The New Statesman, 28.02.2008 (GB). *И вот спустя десятилетия забрезжил рассвет чаемого дня. Медленнее, чем хотелось бы, но уверенно Россия все удобнее располагается в современном мире и в историческом времени. Снова становится злободневным завет Шукшина «прорваться в будущее России»* / Литературная газета, 19.01.2011.

В англоязычных дискурсах абсолютное большинство концептуальных метафор сферы-донора «неживая природа», использующихся для представления настоящей действительности и вероятных тенденций будущего, указывает на негативность сложившейся ситуации, усугубляя оценочный характер высказывания. Американские метафоры рисуют образ страны, балансирующей на грани, действия руководства которой представляют опасность для будущего страны и народа, это движение по направлению к пропасти, куда политики влекут за собой страну. В российском политическом дискурсе современного хронологического среза метафоры «неживой природы» подчеркивают положительную динамику развития общественно-политической ситуации.

В лингвистическом обеспечении статических матриц «Будущее России» в отечественном и американском политических дискурсах XXI века активно функционируют метафоры болезни, монархии и животного мира.

К особенностям концептуализации будущего российского государства в политическом дискурсе США можно отнести

– четкую структурированность морбиальной метафоры, развертывание модели в текстах, нацеленных на концептуализацию будущего России, востребованность единиц слота «психические заболевания»: *The Russians, they say, are acting out of injured pride. Impulsive, emotionally unstable, and often paranoid, the Russians are lashing out at their neighbors in an attempt to cauterize the wounds of recent history and rekindle their lost sense of grandeur. Although Washington's psychologists all attribute Russia's conduct to its leaders' complexes, they differ in their exact diagnoses. Some see Russia's resistance to U.S. policies as childish rebellion. Others attribute Russia's recalcitrance to a wounded ego. Another common diagnosis is paranoia. Each of these diagnoses implies a particular treatment. If Russia's problem is childishness or confusion, U.S. officials should repeat their positions calmly but firmly as often as necessary, explaining how these also benefit Russia. For emotional instability, the prescription is psychotherapy. For a damaged ego, some propose a regimen of ostentatious displays of respect, whereas others suggest threatening to withhold the status symbols Kremlin officials supposedly cherish. If Russia's leaders are paranoid and irrationally aggressive, Washington should arm their potential victims* / Foreign Affairs, 23.02.2011 (US). Использование метафор данной модели направлено на сгущение красок при оценке настоящего, что наталкивает на

понимание описываемой общественно-политической ситуации как однозначно отрицательной, создает необходимый контекст для того, чтобы у адресата сформировалось представление о недопустимости положения вещей в настоящем стране, что, безусловно, влияет на будущее положение дел, указывает на невозможность дальнейшего развития, отсутствие у страны будущего.

– отрицательную нагруженность монархической метафоры: *The question that remains is which Putin will Russia get. As Putin, face pulled back, wrinkles a smooth veneer, thumbs through the annals of Russian history and contemplates the long reigns of his predecessors, what type of Tsar will he decide to become? Will it be the brutal modernizer Peter the Great always with club in hand? Will he be the enlightened despot a la Catherine? The politically arid Nicholas I? The modernizing police state of Alexander III? Or will he gaze deep into the portrait of Alexander II and unveil his grace through "liberal" reform. We shall see. But for now, God Save the Tsar!* / Foreign Policy, 27.09.2011 (US). Монархические метафоры эксплицируют идею абсолютной власти президента, наталкивая адресата на осмысление будущего России как эпохи безраздельного царствования монарха. Метафоры проецируют прошлое России на настоящее и будущее: монархия никогда не покидала русскую землю, она изменяла форму в контексте определенной эпохи, но содержание оставалось прежним. Режим персонификации власти, типичный для России прошлого, не изжил себя, вероятно, именно поэтому образ России будущего связан с конкретным правителем.

– разнообразие образов источниковой сферы «животный мир»: *Russia is the canary in the coal mine of below replacement fertility demography* / The American Spectator, 10.11.2009 (US). *Russia, we are told, is on the march, seeking to reconstitute its lost empire. Never mind that the Russians first need to reconstitute their lost population – their birthrate is decreasing so rapidly that they'll soon be placed on the endangered species list* / The American Conservative, 06.10.2008 (US).

– востребованность и употребление в сильных позициях текстов о России, ее внешнеполитической деятельности «медвежьих» метафор с прагматическими смыслами «агрессивность», «непредсказуемость» (типичными также для британских аналитических статей): *The bear is back* / The New York Post, 13.04.2010 (US). *Russian bear begins to roar again on world stage* / The Final Call, 27.01.2009 (US). *Russia and Ukraine gas crisis: The frightened bear is up for a fight* / The Telegraph, 07.01.2009 (GB). *The return of Vladimir Putin. The once and future president. A bear with a face-lift can still eat you* / The Economist, 01.10.2011 (GB). Наиболее востребованы в рамках американской и британской статических матриц «Будущее России» современного хронологического среза «медвежья» метафоры с прагматическими смыслами агрессивности, непредсказуемости

России, ее политики, правительства и президента.

Отличительными чертами моделей в российских политических текстах являются следующие:

– меньшая частотность морбиальных образов в сравнении с американским дискурсом: *Коррупция была, есть и будет до тех пор, пока не изменится культура. Русская культура не имеет антител против коррупции. Это как плохой иммунитет, и обязательно будет вирус. И она будет развиваться всегда, какая бы политика ни пришла* / Новые известия, 25.02.2005. Инфекционные агенты живут внутри живого организма страны столетиями. Они воспроизводятся, модифицируются, мутируют, встраиваются в структуры России, изменяют их и часто не поддаются лечению. Использование отрицательно нагруженных метафор моделирует возможность опасного развития событий, несовместимого с нормальным функционированием государственного организма, настраивая адресата на мрачное будущее, угловатое России.

– разновекторная концептуализация будущего в рамках монархической метафоры: *Выберут нам царя, мы приглядимся – а из-под короны Путин выглядывает. России нужен не царь, а национальная диктатура, чтобы разгрести авгиевы конюшни* / Инсайдер.org, 14.12.2013. *Стране нужен царь! Царь – это мужественный человек, который отвечает за страну. Менеджер – это председатель правительства* / Общая газета, 22.02.2012. В отличие от американского политического дискурса, где модель «Будущее России – это монархия» наполнена исключительно негативным прагматическим потенциалом, российские монархические метафоры часто несут положительные коннотации, актуализирующие смыслы «ответственность», «опека», «покровительство», «защита», связанные с образом царя-батюшки, идеального самодержца, наделенного священной властью.

– активизация единиц слота «паразиты» при моделировании будущего страны с использованием зооморфизмов: *А паразиты никогда? «Инновационное развитие означает гибель уже сформировавшейся паразитической отрасли-класса», – заявляют в президентском институте, имея в виду смычку олигархии, бюрократии и верхушки силовых структур. Как в старой песне: «Лишь мы работники всемирной, великой армии труда, владеть землей имеем право, а паразиты никогда!» Но зададимся вопросом: готов ли этот «паразитический класс» к гибели? Ведь столь грубо обозначенные ИНСОМ силы в современной России являются правящими. И конкурентов у них нет пока даже на горизонте* / Московский комсомолец, 03.02.2010. Уже давно никого не удивляет, что самые активные из двуногих паразитов стараются изо всех сил сделать все, чтобы посеять национальную рознь, внести сумятицу в общественное мнение, чтобы народ России никогда не пришел к единству в понимании главного: «Кто виноват? И как спасти свою страну?» А что тут еще пони-

мать, если житейский опыт давно уже подсказывает буквально каждому: еще ни один паразит добровольно не покинул тело своей жертвы. Следовательно, с поедающими государственное тело паразитами нужно бороться только силой – силой всенародного единства / Жизнь гражданина России, 27.07.2011. Единицы слота активизируются при репрезентации настоящей и будущей внутривнутриполитической ситуации в стране. Зооморфизмы рассматриваемого слота используются в политическом дискурсе как средство политической борьбы и своим представлением предмета речи вызывают негативные ассоциации, связанные с событиями грядущего.

– востребованность «медвежьих» метафор при концептуализации вероятного будущего внутренней политики России, правящей партии: И хотя сегодня кампания пока напоминает охоту на медведя, этот медведь – «Единая Россия» – очень силен, хитер и энергичен / Российская газета, 01.10.2007. Отметим, что в российском политическом дискурсе современного периода частотность «медвежьей» метафоры высока в предвыборных дискурсах, в дискурсах партийной (антипартийной) агитации. Значительно реже «медвежьи» метафоры используются для репрезентации внешнеполитического курса России, в случае их употребления речь идет о западном направлении внешней политики – об отношениях страны с США и европейскими государствами: «Русский медведь» выбрался из берлоги, куда его загнали по итогам «холодной войны». И это не может не беспокоить европейские столицы и Вашингтон, которые за прошедшие после крушения СССР десятилетия уже привыкли раскладывать геополитический пасьянс без Москвы... Вашингтон постепенно стал отыгрывать назад, прекрасно понимая, что по «пустыкам» новую холодную войну начинать, в общем-то, не стоит. Так-то оно так. Но и медведя обратно в берлогу загнать все-таки хочется. Слишком уж родными, почти что «европейскими» для США и ЕС стали некогда медвежьи пасеки / Российские вести, 18.09.2008. Стоит подчеркнуть, что в абсолютном большинстве русскоязычных контекстов, направленных на концептуализацию будущего России, метафора «русский медведь» дается в кавычках, что указывает на чужой смысл, чуждую метафору, неприятие образа.

Синхронная модель, созданная на базе корпусов текстов британского политического дискурса, насыщена метафорическими наименованиями с ярко выраженными агрессивными концептуальными векторами – милитарными и криминальными образами: Yet other countries ruled by strong men like Mr Putin may well see the idea as a good one. They will of course fight to minimise Russian dominance in the new union. But ultimately they may see the new power bloc as a way of enhancing their marginal voices on the global stage and as a mechanism to shore up their authoritarian regimes at a time when

dictators are nervously looking over their shoulders / The Telegraph, 05.10.2011 (GB). Russia has crushed its unruly neighbour, humbled the US and Europe and demonstrated once again that it's a force to be feared / The Independent, 13.08.2008 (GB). Crime without punishment. The evil of organised crime is woven into Russian life – and it is starting to infect the rest of the world. Dirty money makes the criminal underworld go round. Few are surprised that the money involved comes from Russia. A lawless history. Russia has been, more or less, an orderly country for much of its history. But it has practically never been lawful. Corrupt officialdom pervades the economy; organised crime pervades officialdom. The future depends partly on the mafia's own business planning, which is becoming increasingly sophisticated. But the biggest worry for the rest of the world is not so much the prospect of a dismal, lawless future for Russia as of contagion outside its borders. If Russia's economy continues to stagnate, the prospects for an ambitious, criminally minded Russian are limited. But the worst threat comes from the fusion of a corrupt state with powerful gangsters / The Economist, 26.08.2000 (GB).

Британская милитарная метафора навязывает негативное представление о взаимоотношениях стран, акцентирует конфликтные пути решения политических проблем и способствует созданию образа агрессивного и опасного будущего, в котором Россия является одним из главных фигурантов геополитических баталий будущего.

Единицы криминальной модели употребляются для характеристики страны в целом, моделируя представление о преступной структуре внутривнутриполитической системы в настоящем страны, которая, с одной стороны, представляет угрозу для развития, функционирования и существования самой страны, с другой – является источником опасности для международного сообщества. Россия представляется страной, где царит беззаконие, которое пронизывает ее историю, органично вплетается в современную жизнь страны и устремляется в будущее, скрепляя их в единое беззаконное целое. Оно настолько велико, что не вмещается в границы государства и просачивается за его пределы.

Помимо этого к числу частотных в аналитических статьях Великобритании относится игровая сфера метафорической экспансии, наиболее востребованными являются единицы слота «виды игр»: The Russian government may be brutal and incompetent domestically, but it has learnt to play the game of European politics with subtlety and skill. Not that the western Europeans are particularly hard to play against. They can be relied upon to score own goals / The Independent, 28.11.2009 (GB). В проанализированном корпусе британских текстов большая часть игровых метафор активизируется при характеристике внешнеполитической деятельности России в настоящем и ее вероятных будущих ходов. Наиболее актуальные концептуальные век-

торы, присущие сфере-источнику при репрезентации будущего России, – случайность, непредсказуемость финала.

К специфике систем метафорических моделей, присущих дискурсам при обращении к образу будущего, следует отнести также сферы-источники, востребованные в двух дискурсах и нефункционирующие в третьем, либо характерные для одного дискурса и незафиксированные в двух других, что может говорить об особенностях восприятия будущего и специфике конструирования моделей будущего:

– В российских и британских политических текстах при репрезентации будущего России зафиксированы единицы сфер-источников «строительство» и «религия»: *Владимир Путин в своей Мюнхенской речи дал понять западноевропейским политикам, что Россия в скором будущем будет строить новую конфигурацию мирового порядка, и даже наметил модель такого построения* / Российские вести, 2012. *Moscow is using its invasion, prepared over years, to rebuild its empire, seize greater control of Europe's energy supplies and punish those who believed democracy could flourish on its borders. Europe has reason to worry* / The Financial Times, 22.08.2008 (GB). *Ныне, во тьме пребывающая, терзаясь упадком всех душевных сил, должны мы раскрыть в своих сердцах и воплотить в слова видение будущего торжества России. В оккупации, на развалинах государства, на пороге новых бед – восхвалять, лелеять, ковать, сновидеть, тянуться к картинам грядущего русского Рая* / Завтра, 07.09.2000. *Наш проект – проект почвеннический, но в России почвенничество особое – почвенничество в России всегда связано с Космосом. Лучшее всего об этом писали Циолковский, Николай Федоров и их последователи: предназначение русских – заселить космос, воскресить мертвых и вдохнуть искру божественного огня в мертвую Вселенную. Русские – это коллективный Бог, ждущий реализации. Русские – это наша религия и кровь, и почва, а все остальное – ложь, мошенничество и подлость* / Завтра, 26.10.2005. *Russia sees itself as the martyr nation, shedding blood to redeem the sins of Europe* / The Observer, 20.03.2005 (GB). *Russia's six deadly sins* / The Sunday Times, 09.05.2007 (GB). *Now it (Russia) neither pretends nor aspires to be like the West. Instead, it (Russia) wants to exorcise all traces of American influence* / The Economist, 16.02.2013 (GB).

Метафора строительства ассоциативно связана с позитивными преобразованиями в будущем, однако если в отечественном политическом дискурсе строительство подразумевает создание качественно новой системы, а не реконструкцию прежних форм общественно-политического строя, то в политических текстах Великобритании актуален именно образ «перестроения», «восстановления» разрушенного или утраченного ранее.

Несмотря на малочисленность наименований источниковой сферы «религия», анализируемые

метафоры отличаются сильным эмотивным потенциалом и специфическими коннотациями в двух дискурсах.

В отечественном политическом дискурсе религиозные метафоры типичны для оппозиционной прессы и связаны с возрождением русской идеи и национализма как реакции на тенденции глобализации. Именно поэтому в полемике о будущем России так часто звучат темы, ставшие традиционными для русской мысли, начиная с XIX века, – о судьбе страны, ее месте в мировой истории, ее соотношении с западной и восточной цивилизациями. Отсюда – националистическая реакция внутри страны, ориентация на уникальность национального пути, поиски национальной идентичности. В британских текстах нагнетание необходимого настроения, пронизывающего будущее, достигается за счет создания ассоциативно-образного плана «грехопадения», желания «искупить и замолить грехи», «изгнать беса».

– Общей для российской и американской статических матриц будущего является педагогическая метафора: *Невозможно вернуться в прошлое, невозможно его исправить, но надо извлекать из него уроки, полезные для строительства будущего* / Российская газета, 11.11.2013. *And if the West does not react forcefully to protect Georgia? Russia, and all the nations on its periphery, will draw the obvious lessons. Will Putin follow history and demand next a Russian right to move troops into Estonia, a NATO member, to "protect" its Russian population? There are few lessons safely drawn from history – except that of George Santayana: "Those who do not learn from the past are doomed to repeat it"* / Newsweek, 10.08.2008 (US). Следует особо отметить, что в двух дискурсах частотной является метафора «урока, который следует извлечь из прошлого». Страна, как ученик, почерпнув информацию из истории и усвоив урок, может ей воспользоваться для достижения иных целей, не повторяя ошибок в будущем.

– Интересно отметить, что в российском политическом дискурсе анализируемого исторического периода при концептуальном представлении будущего зафиксированы также метафорические словоупотребления сферы-донора «дом», ассоциативно связанные с метафорой строительства и актуализирующие семы «созидание», «укрепление»: *Русский смысл должен быть связан с русским успехом. И не просто с техническим успехом. Сейчас нужно построить свой дом, крепкий русский дом, наладить в нем жизнь, навести в нем порядок, наплодить в нем детишек, и если мы у себя построим некое завидное для других общество, потом можно будет что-либо сказать остальному миру* / Завтра, 02.10.2013. Метафоры дома не только символизируют создание иных политических структур, развитие общества и страны в целом, но и эксплицируют тепло и заботу о Родине, которая становится местом, где хочется жить и куда хочется вернуться.

Следует отметить, что метафоры рассматриваемой источниковой сферы не объективируются в англоязычных политических дискурсах в рамках синхронных моделей будущего современного хронологического среза, вероятнее всего, потому, что тематикой аналитических статей, составляющих корпус исследовательского материала, подлежащего анализу, является будущее России, чуждой и чуждой страны. Помимо этого отметим единичное функционирование метафоры дома в американском и в британском политических дискурсах при моделировании настоящей действительности российского государства: *It's a Vladhouse* / *The New York Post*, 08.12.2011 (US). Данная метафора отчасти объясняет концептуальное отсутствие словоупотреблений источниковой сферы в политическом дискурсе США. Сама метафорическая единица в своем значении не равняется possessивной конструкции с нулевым артиклем: *Vlad's house*, а представляет собой нарицательное существительное, образованное с помощью словосложения, употребляемое с неопределенным артиклем: *a+Vlad+house*, где «house» служит вторым компонентом названия различных построек (ср. *countryhouse, lighthouse, bakehouse, outhouse, storehouse, workhouse* и др.). Россия уже является определенным архитектурным проектом, типовым сооружением Влад(имир)а Путина, которое невозможно изменить и перестроить. В британском политическом дискурсе выбор глаголов состояния и их видовременных форм также, как и в американском, подчеркивает статичную, перманентную характеристику общественно-политической ситуации в России настоящего и невозможность перемен в будущем: *Russia still lives in a conceptual world of zero-sum relations, not only because it views international relations as based on a hierarchy of power, but because it has the same view of domestic politics. Imperialism and autocracy go together. To employ a useful Islamic terminology, the new Russia, alas, still lives in the "House of War"* / *The Financial Times*, 29.08.2008 (GB).

– В российском дискурсе при моделировании будущего зафиксированы немногочисленные единицы сфер метафорической экспансии «торговля», нетипичные для англоязычных аналитических статей. Единицы рассматриваемой концептуальной модели реализуют полярные возможности для формирования эмотивных смыслов при создании модели будущего России: *В сущности, драма современности открылась мне во всей своей простоте. Деятельные, энергичные, состоятельные люди России вскоре скупят родимую власть в своих интересах, и она будет работать для них, как,*

навверное, и должна бы. Вопрос, стало быть, сейчас в предпродажной подготовке и цене. И чем кощунственнее и путаннее программа дальнейшей жизни, тем выше стоимость покупки. Вот и вся интрига / Газета, 22.10.2003. Метафоры с исходной понятийной сферой носят оценочный характер, они характеризуют политическую ситуацию будущего в основном как неблагоприятную, оживляя негативные ассоциативные признаки, связанные с нарушением нравственных норм и традиций. Прагматический потенциал метафор можно представить следующим образом: политические, экономические, социальные отношения внутри общества напрямую зависят от кошелька «идуших во власть», возвращение к нормальному, естественному ходу вещей требует немедленного принятия эффективных мер: *Пресечем ограбление села. Ликвидируем «ножницы цен» на продукцию города и деревни. Поддержим разнообразные формы хозяйствования на земле. Остановим распродажу общенародного достояния – земель сельскохозяйственного назначения. Труженник на земле – это не только пахарь и сеятель, но и хранитель народной души* / Предвыборная программа КПРФ (2003). Представленные метафоры наполнены положительным прагматическим потенциалом, так как акцентируют внимание адресата на позитивных преобразованиях в жизни страны, эксплицируя тем самым их стремление изменить процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, а вместе с ними общественно-политическое устройство государства, основы морали и этические нормы.

В целом, для уровня систем метафорических моделей типично преобладание метафорических контекстов над неметафорическими, совпадение двух доминантных моделей – пути и неживой природы – в трех анализируемых дискурсах, пяти доминантных моделей в политических дискурсах России и США – пути, болезни, неживой природы, монархии и животного мира. Различия в репрезентации будущего России зафиксированы на уровне фреймо-слотовой структуры, прагматических смыслов, передаваемых метафорами.

Литература

1. Минаев, М.В. *Американо-британские отношения в начале XXI века: дис. ... канд. полит. наук* / М.В. Минаев. – М., 2008. – 231 с.

2. Чудинов, А.П. *Российская политическая метафора в начале XX века* / А.П. Чудинов // *Политическая лингвистика*. – 2008. – № 1 (24). – С. 86–93.

Солопова Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей лингвистики, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); докторант кафедры риторики и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), solopovaolga@yandex.ru. Научный консультант – доктор филологических наук, профессор А.П. Чудинов.

Поступила в редакцию 20 октября 2014 г.

METAPHORS REPRESENTING “RUSSIA’S FUTURE” IN RUSSIAN, AMERICAN AND BRITISH POLITICAL DISCOURSES (beginning of the XXIST century)

O.A. Solopova, South Ural State University, Chelyabinsk; Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, solopovaolga@yandex.ru

The present article deals with systems of metaphors aimed at representing the model of Russia’s future in Russian, American and British political discourses (beginning of the XXIst century). The author dwells upon the dominant metaphorical models used in the discourses of the three countries, their common features and peculiarities.

Keywords: metaphor, model, political discourse, future.

References

1. Minaev M.V. *Americano-britanskiye otnosheniya v nachale XXI veka*. Dis. kand. polit. nauk [American-British relations at the beginning of the XXI century. Cand. sci. dis.]. Moscow, 2008. 231 p.
2. Chudinov A.P. [Russian political metaphor at the beginning of the XX century]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2008, no. 1 (24), pp. 86–93. (in Russ.)

Olga A. Solopova, candidate degree in philology, associate professor, Chair of General Linguistics, South Ural State University (Chelyabinsk); Rhetoric and Intercultural Communication Chair doctoral student, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg), Scientific Supervisor – PhD (Russian philology), Professor A.P. Chudinov.

Received 20 October 2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Солопова, О.А. Метафорическое представление будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании (начало XXI в.) / О.А. Солопова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2015. – Т. 12, № 1. – С. 45–52.

REFERENCE TO ARTICLE

Solopova O.A. Metaphors Representing “Russia’s Future” in Russian, American and British Political Discourses (beginning of the XXIst century). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2015, vol. 12, no. 1, pp. 45–52. (in Russ.)
